

Обломки / The Wreckage (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Обломки / *The Wreckage* (рассказ)

Автор	Дэвид Аннандейл / David Annandale
Переводчик	Культпросвет
Издательство	Black Library
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Сюжетные связи

Входит в цикл	Комиссар Яррик / Yarrick
----------------------	--

Вражеский огонь загнал нас в убежище.

Неприятель находился на вершине холма. Окопавшийся. Защищённый. Невидимый. Мы же были как на ладони и не могли понять, откуда стреляют. Лазерный огонь бил по нам настолько жёстко, что казалось, будто сама Ночь вопила потоками убийственной энергии. Прежде чем забежать в укрытие, мы потеряли три отделения. Прямо передо мной выстрел угодил в газовый карман, и я отпрыгнул назад, рукой

закрывая лицо от жара взрыва. Пламя омыло бойцов и вправило противогазы в плоть. Шквал огня снова хлестнул по нам, и я побежал сквозь дым и смрад горящих трупов.

Шестая рота 252-го полка Армагеддонского Стального Легиона залегла. Нашим убежищем оказался разбитый сухогруз. Его происхождение, название и даже первоначальная форма были стёрты временем, и я угадал, чем оно когда-то было, лишь по размеру этой развалины, по длине и изгибу изъеденных коррозией остатков корпуса. Очевидно, судно врезалось в поверхность этой луны, после чего с него сняли всё, хоть сколько-нибудь ценное, и разобрали на металлолом. Теперь его стальные кости ржавели, обгладываемые едкими дождями Айноса. Остался только циклопический хребет, будто измученный артритом.

- Приманка, - сказал мне сержант Отто Ганосчек, пока я переводил дыхание за дырявой железной стеной. - Эти проклятые корабли были приманкой.

Он снял противогаз и вытер рукавом плаща пот со лба. Сержант был худощав и выглядел намного старше своего возраста: всегда залитое румянцем лицо, седеющие волосы. Он смотрелся как ветеран и командовал своим отделением под стать. Однако на самом деле сержант был всего на несколько лет старше меня, а мантия комиссара на моих плечах до сих пор сидела непривычно.

- Действительно приманкой, - согласился я. - И мы на неё клюнули.

Ганосчек махнул рукой, охватывая жестом весь Айнос: «Мы, явно, не первые».

В этом он тоже был прав. Я выглянул в дыру в корпусе и посмотрел на холм, так как пока не оставил надежду оценить расположение и количество сил противника. Нам требовались сведения хоть на йоту подробнее, нежели мало о чём говорящие «на возвышенности» и «много». «Их не меньше тысячи», - решил я.

Ночь опустилась на Айнос. Планета, вокруг которой вращалась луна, - газовый гигант Килазма - заслоняла уже треть неба, но вошла лишь наполовину. Её зелёное пятно проглядывало сквозь дождевые облака и подчёркивало местные пики, перекрученные и изломанные. То были обломки тысяч кораблей, занимавших это многовековое кладбище для жертв гнусных еретиков, которых мы пришли истребить.

- Приманка, - повторил я. - Выходит, атака на Статерос тоже была завлекающей. Но кого они хотели поймать?

- Нас? - предположил Ганосчек.

- Может и так. Но зачем?

Набег культистов на соседнюю систему Статерос отличался зверской жестокостью. Были опустошены три колонии, разрабатывавшие залежи в астероидах, их ресурсы разграблены, и везде кровью убитых гражданских намалёваны восьмиконечные звёзды Хаоса. Разобраться в ситуации послали «Кастеляна Беласко», фрегат шестой роты. Мы пустились в погоню до Айноса за флотилией, как мы тогда думали, не превышающей кучку лихтеров. Мы прилунились и атаковали в том месте, где посчитали расположен их лагерь. Однако выяснилось, что это была очередная уловка.

Затекавшие под фуражку и за воротник кислотные капли мороси неприятно жгли кожу. Пехотинцы привыкли на Армагеддоне и к худшему, но в дополнение осадки разъедали металл остовов кораблей, и те исторгали из себя легко воспламеняемые газовые пузыри.

- Я слышал, вы были на Мистрале, комиссар, - сказал Ганосчек.

- Это так.

- Там правда было так плохо, как рассказывают?

Я пожал плечами.

- Там был ветер, здесь дождь. Решайте, что хуже.

Большого ему знать не требовалось. Полученные там раны и так до сих пор не затянулись. Некоторые из них ещё кровоточили.

Вдруг прямо возле моего лица прошёл выстрел, и я рефлекторно отшатнулся от дыры в корпусе.

- Хорошо стреляют, - удивлённо хмыкнул сержант.

- На их месте и я бы смог не хуже, - фыркнул я. - Ничего удивительного, что у них есть преимущество в нынешних условиях.

- Как скажете, комиссар. Правда, условия эти *они же* и создали, - рассмеялся Ганосчек.

И тут он, конечно, снова был прав. Мне нравился Ганосчек. Он чутко воспринимал поле боя и безумства войны. Что могло бы прозвучать от любого другого, как неуместное восхищение врагом, от него было простой констатацией факта.

- Раз так, давайте-ка узнаем, какие у капитана есть идеи о выходе из сложившейся ситуации. Я видел, он пробирался наверх по этой посудине.

- Да, комиссар, - бесстрастным тоном ответил Ганосчек.

Мы карабкались по кучам гнutoго металла и пробирались сквозь помещения корабля-призрака. Тут и там из корпуса выступали переборки, и без стен или комнат стояли дверные проёмы, словно скелеты-часовые. По пути мы встречали группки отдыхающих солдат в светло-коричневые шинелях и железных шлемах. Многие из них имели ранения. Пусть я был молод и ещё нащупывал свой путь в качестве комиссара, но уже знал определённый толк в войне. Опасности подобных передышек были хорошо мне известны. Относительный покой после болезненного и неудачного боя таил в себе скрытую угрозу. Во время сражения у солдат не было времени рассуждать, приходилось постоянно действовать. Теперь же, когда они угодили в клетку бездействия, к ним вернулась боль, и появилось время подумать о том, что произошло; стало очевидным, что их боевой дух пострадал. Местами я ненадолго останавливался, чтобы поговорить с бойцами, и выжидал, пока они сами не обратятся ко мне.

Я знал комиссаров, заявлявших, что нет никакой необходимости понимать солдат, находящихся в их ведении. Они говорили, что достаточно просто требовать от бойцов веры и послушания. Может и так. Но я думаю, что эффективней направлять солдат, когда их понимаешь. Порой я думаю, что и самым чёрствым комиссарам тоже ведом страх, хотя они никогда и не признают этого. Они боятся, что, если они узнают в солдатах живых людей, им будет гораздо трудней выполнять обязанности, связанные с наиболее неприятными и жестокими аспектами их долга. Если это действительно так, то они трусы, позорящие честь комиссарского мундира.

Так что я слушал солдат и отвечал им, стараясь смягчить реакцию на услышанные жалобы, а тех, в ком ощущалась целеустремлённость, я приободрял. Я припоминаю только два случая, когда услышал

нерешительность, требующую усиления дисциплины. И в обоих я с некоторым беспокойством узнал солдат, близких к капитану, поскольку видел, как они выпивали с ним в столовой «Кастеляна Беласко».

Важно учитывать обстановку. Этому меня научили трудные уроки на поле боя. Вот почему в те далёкие дни я пытался запомнить имя каждого бойца в пределах моей компетенции. Придёт день, когда это будет уже невозможно, и мне больно при одной мысли о тысячах безымянных людей, что умрут в последующие годы из-за моих решений. Мне больно, но я не жалею. Ибо знаю, что поступи иначе, и эти цифры оказались бы бесконечно хуже. Обстановка всегда имеет значение.

Тогда на Айносе я ещё мог запомнить все имена. И отметив в уме проблемные случаи, я почувствовал, как меня гложут сомнения.

Мы нашли капитана Джерена Марсека в ближней к холму части остова. Он стоял между двумя частями шпангоута, возвышавшимися на двадцать метров над нашими головами. Капитан был хорошо укрыт от огня, но за ним зияла огромная брешь в корпусе, достаточно широкая, чтобы через неё плечом к плечу прошли десять человек. Там же находились и остальные сержанты, а также множество бойцов, собравшихся послушать командира. Марсек стоял на куче мусора так, чтобы все могли его видеть. Он ухмылялся. Это у него получалось отлично. Капитан имел блистательный, гордый и красивый вид, хотя и не принадлежал к аристократической прослойке. До призыва на военную службу он работал бригадиром в мануфактуруме Хельсрича, но данная от природы харизма высоко вознесла его. Он умел нравиться начальству точно так же, как и подчинённым.

- Ну что, Яррик, - сказал он, когда увидел меня, - готовы подпортить врагу его партию?

- Во что это он тут играет? - еле слышно пробормотал Ганосчек.

Я нахмурился, но не придавал большого значения словам сержанта, хотя они и были на грани неповиновения. Что мне действительно не понравилось, так это легкомыслие Марсека. Он должен был внушать солдатам уверенность в нашем неизбежном триумфе. Однако уверенность, которую он излучал, казалось основана лишь на его самомнении. Может и правда, мы были вовлечены в тактическую игру с культистами, но всё было очень серьёзно, и враг побеждал. Что-то в тоне капитана говорило, что он не уважал навыки нашего врага, хотя мы уже получили достаточно доказательств, что должны бы.

Вопрос капитана встретили одобрительными криками. Возможно, я оказался неправ. Ганосчек, впрочем, весел ничуть не был. Некоторые сержанты тоже выглядели мрачно, тем не менее большинство солдат вокруг нас громко выражали своё одобрение Марсеку. По правде, он не раз приводил роту к победе, так что на тот момент я подавил сомнения и выразил поддержку.

- Я всегда готов спутать карты изменникам, капитан.

- Хорошо. - Он указал на дыру. - Что вы там видите?

- Дорогу прямо под шквальный огонь.

Он погрозил мне пальцем, что вызвало несколько робких смешков у солдат. Мундир комиссара не очень то любят, но такое отношение абсолютно неприемлемо. Его должны уважать и бояться. Своим маленьким представлением Марсек, видимо, рассчитывал заработать себе ещё немного обожания роты за мой счёт. Открыто наслаждаться шутками такого рода было очень смело.

- Вам не хватает воображения, Яррик. Я ожидал от вас большего. Где вы видите смертельную ловушку, я вижу возможность.

- Неужели? - выдавил я.

- Вся рота будет наступать из этой брешки.

Мои сомнения насчёт Марсека удвоились. Во-первых, его популярность в роте уже превратилась в проблему. Он любил своих бойцов, что было очевидно, и они любили его. Это было очень хорошо, но я опасался, что отношение к солдатам может встать поперёк принятия жёстких решений, которые рано или поздно выпадают на долю каждого командира. Сможет ли он отдать приказы, которые приведут к гибели нескольких отделений, ради сохранения оставшейся части роты?

Во-вторых, как ни парадоксально, он отличался безрассудством. Полагаю, всё из-за того, что он упивался своей популярностью. Он хотел быть достойным её. Хотел вести солдат к победе. Но одно дело отправить солдат на смерть с полным осознанием своих действий и их необходимости, и совсем другое делать что-то показухи ради, не заботясь о последствиях. И оттого, что солдаты превозносили его, они не стали бы перечить, как бы глупо приказы ни звучали. Культ личности вокруг Марсека представлял опасность. Подобное всегда опасно. Я до сих пор так считаю, потому что борюсь с культом личности себя самого.

- Он спятил, - прошептал Ганосчек.

Взглядом я заставил его умолкнуть и подошёл к капитану. У основания его импровизированного подиума я сказал: «Быть может, вы сможете объяснить мне некоторые детали, капитан». Я говорил тихо, надеясь, что он поймёт намёк. У меня не было никакого желания подрывать его авторитет без достаточных оснований.

Он прекрасно понял и, не сходя с места, объявил: «Комиссар Яррик волнуется. Он думает, что я решил устроить самоубийственную атаку. Позвольте мне заверить вас, товарищи, я не собираюсь делать ничего подобного. Риск есть. Конечно же, он есть, ведь это война! Но без риска нет и славы!»

Раздались радостные возгласы, пусть и немного приглушённые. Ганосчек и я были отнюдь не единственными, кто понимал очевидную странность наступления прямо под огонь неприятеля.

- Я постоянно держу связь с «Кастеляном Беласко», - продолжил Марсек. - У нас есть чем уничтожить это крысиное гнездо одним махом. Мы представим такую мишень и такую угрозу врагам, что они будут вынуждены отреагировать. Они пойдут в контратаку, или им придётся открыть плотный огонь. В любом случае они выдадут своё точное положение. В этот момент «Беласко» произведёт орбитальный залп. Товарищи, вы со мной?

Рёв толпы говорил за себя. Они были с ним.

Марсек спустился под ещё более громкий гул поддержки.

- Ну как? - спросил меня капитан. Ему приходилось кричать прямо в ухо, чтобы я мог его слышать. - Что вы думаете, Яррик?

- Это авантюра.

- Стоит попытаться. Мы должны попробовать сделать что-то, чтобы вырваться из этой коробки, в которую они нас загнали.

- А если вы не правы? Если это не работает? Тогда мы проиграем эту войну из-за одного необдуманного поступка.

- Этого не случится, - заверил Марсек и похлопал меня по спине. - Ракеты готовы к пуску. Авгуры корабля почти нацелились на позиции противника. Проблема заключается в том, что эти паразиты слишком рассредоточены и хорошо укрыты. Нам нужно заставить их показаться.

- В принципе такое возможно, - уступил я, хотя мне всё-таки не нравился этот план. Он звучал неправильно. Войны редко выигрываются авантюрами.

- Ну вот и отлично! - в восторге гаркнул капитан, решив, что одолел меня.

Меня он не убедил, и тем не менее я занял своё место на передней линии, поскольку рота уже готовилась к атаке. Я выступал с левой стороны бреша. Марсек по центру. Отделение Ганосчека справа несколько линиями позади. Прежде чем присоединиться к своим бойцам, сержант подошёл ко мне почти вплотную.

- Как вы думаете, комиссар, - спросил он. - Будет ли это хорошей смертью?

На шутку его вопрос не походил. Он говорил абсолютно серьёзно.

- Если тактика капитана оправдывает ожидания, то да, смерть в этой битве будет достойной.

Ганосчек криво усмехнулся.

- Это я и сам понимаю. Я о другом. Как вы думаете, план сработает?

Это и был его истинный вопрос - будут ли жертвы стоить того? Умрёт ли он за благое дело или за чужое тщеславие? Я мог ответить ему, как политик, ведь, в конце концов, я был политофицером, хоть это и не одно и то же. Однако ему бы это не помогло. Поэтому я дал прямой ответ на его прямой вопрос: «Я не знаю».

Улыбка сержанта стала шире: «Хотя бы честно». Он двинулся дальше.

- «Кастелян Беласко» ждёт нашего сигнала, - объявил Марсек несколько минут спустя. - Воины Армагеддона, в атаку!

Мы выступили из убежища и стали хорошо видны уже на полпути к вершине склона. Со всех сторон над нами нависали «железные трупы» жертв изменников. Мы наступали вверх по долине из потерпевших крушение кораблей. Мало какие из них сохранили сходство с собой прежними. Они превратились в огромные надгробия, сооружённые руками безумных мастеров. Покорёженный металл всюду тянулся к небу. Тут и там виднелись неровно оторванные секции размером с дом, гниющие куски обшивки, разбитые цилиндры, фрагменты башен и обломанные надстройки. Всё это расстилалось вокруг, насколько хватало взгляда. Мы попали в страну индустриальной смерти.

Я выкрикнул вызов нашим врагам, предлагая им попробовать сразить меня. Достав из кобуры пистолет и выставив перед собой меч, я мчался со всех ног и палил вслепую, целясь в ночь. И хотя я полностью отдался задаче по убийству неприятелей и выживанию, часть моего разума в какой-то миг охватила целую картину, где две силы столкнулись в океане обломков, и пришла в смятение.

Противник не вёл ответный огонь. На нашу атаку никакой реакции не последовало. Когда это до меня дошло, я перестал стрелять. Был ли кто-нибудь впереди? Мы продолжали наступление, и менее чем за минуту наша передняя линия достигла гребня. Я оглянулся. Вся шестая рота расположилась на склоне.

По достижении вершины пред нами развернулся пейзаж из открытых ветру коридоров и гигантских куч

шлака. Ни малейших признаков признаков предателей.

- Капитан? – позвал я, когда все остановились, так как, если бы мы продвинулись дальше, опора под ногами стала бы ненадёжной. Было ясно, что мы угодили в новую ловушку, но я не мог понять, в чём заключался подвох. Время тикало, и с каждой прошедшей секундой я всё больше проклинал себя за неспособность осознать, что нужно сделать. Судя по его виду, Марсек был сконфужен не меньше.

- Дайте мне вокс! – крикнул он, и к нему подбежал связист Верстен.

- Есть связь с кораблём! – сообщил он. Марсек схватил трубку.

- Приём, «Кастелян Беласко»?

- Слушаем вас, капитан Марсек, – протрещал в ответ голос с фрегата. Я подошёл поближе, чтобы лучше слышать переговоры. – Вы на позиции?

Я не узнал говорящего.

- Мы на месте, – подтвердил Марсек. – Но здесь никого нет. Отменяю задачу.

- Попались, – сказал голос.

«Попались». Что это значит? Марсек уставился на трубку, потом на меня. Его лицо выражало встревоженное изумление. Уверен, моё тоже. Осознание происходящего явилось, как гром среди ясного неба, не позднее, чем через два удара сердца после полученного Марсеком ответа. И всё равно слишком долго. Когда я вытаскиваю этот момент из памяти, я очень хочу схватить юного комиссара за грудки и встряхнуть этого дурака, чтобы он начал действовать немедленно. Как же он не догадался, что будет дальше? Как же он не видел опасности, когда смотрел на пустой склон?

Моя злость на меня же молодого не рациональна. И я понимаю это. Но мысль, что я мог предотвратить то, что произошло дальше, и ещё позднее, сильно меня огорчает. Позже я стал намного лучше предсказывать бедствия. Но из-за глупости могущественных людей, я не всегда мог извлечь пользу из этого.

Итак, осмысление заняло у меня несколько мгновений. Я всё ещё был сбит с толку, но предчувствие рока было сильным. Настолько, что надо было слушать его.

- *В укрытие!* – заорал я и побежал обратно вниз по склону. – *За мной!*

Я не думал о субординации. Повиновался крайней необходимости. Я побежал наискось, отказавшись от более лёгкого маршрута, в дебри обломков. Так было дольше, но тут мы были скрыты от врага. Я должен был вытащить роту оттуда, где враг хотел нас видеть.

Оглянувшись, я обнаружил, что среди следовавших за мной торопливо спускался и Марсек. Другая группа исчезла в руинах с другой стороны холма. Ночное небо разрезала падающая комета, и началась орбитальная бомбардировка, чей целью были мы. Первые бомбы упали на вершине хребта. Простые болванки. Но будучи брошенными из космоса, они набрали огромную скорость, и несли опустошение. Холм превратился в вулкан. Тонны металла испарились или расплавились. Разгневанный бог молотил поверхность, круша её и придавая новую форму. Сотни крошечных букашек, какими издали казались люди, погибли в одно мгновение. Сначала я бежал, а потом меня завертело кувырком, и я уже не знал, находился ли я на ногах или нет. Мир вокруг меня обратился мешаниной чувств и впечатлений, слишком многочисленных, слишком громких, слишком болезненных. Я продолжал двигаться, сам не

зная куда. Пока ночь кричала, я едва понимал, кто я. Но остановиться означало, что умер бы и я, и солдаты, следовавшие за мной. Я знал это. Так что я продирался вперёд, сносимый чудовищной волной звуков и преследуемый жаром металлической лавы. Позади нас мир разлетелся на пылающие фрагменты. Обломки кораблей превратились в пепел. Воздух задыхался от ржавчины.

Вскоре всё кончилось. Грохот стих до угрюмого треска пламени и стопа оседающего металла. После ярких вспышек ночь стала гуще и темнее, чем прежде. Было трудно дышать. Я задержался на несколько мгновений, чтобы встряхнуть голову и понять, где я. Тело и разум дребезжали как звенящий колокол. Металлолом, окружавший меня теперь, был ещё более фрагментирован, чем остовы мёртвых судов, приютившие нас ранее. Везде лежали куски каркасов и обрезки переборок, сваленные друг на друга. Казалось, будто я смотрю на мир сквозь треснувшую линзу.

Я определил направление, в котором находился холм, сориентировался и стал искать других выживших. Мы собирались группками, медленно возвращаясь к эпицентру бомбардировки. То, что осталось от шестой роты, стало собираться воедино. Потери были велики. Наши силы сократились вдвое, а то и больше. Я надеялся, но не смел рассчитывать, что есть и другие выжившие, отступившие иным путём.

Мы достигли преображённого ландшафта. Чем ближе мы подходили к точке удара, тем больше остовы кораблей теряли всякое подобие формы. Остались только расплывчатые очертания. Кое-где ещё оставались большие фрагменты, но по большей части мы двигались между грудами металлолома.

Когда я нашёл капитана, сначала он просто следовал за мной подобно сервитору, но постепенно снова обретал функциональность. Ему было ещё далеко до взятия командования на себя, но он помнил свою роль достаточно хорошо, чтобы быть центром, вокруг которого должна собираться рота. И когда мы приблизились к кратеру, нас насчитывалось уже несколько дюжин. Солдаты надели противогазы, чтобы легче переносить засорённый воздух. Я же постоянно отхаркивал чёрную мокроту.

- Они захватили корабль, - прохрипел Марсек. В глазах читался абсолютный ужас, выходящий за рамки случившейся катастрофы. Казалось, он пытается сосредоточиться на чём-то конкретном. Но его взгляд дрожал и цеплялся за каждый обгоревший и расчленённый труп, который мы проходили. - Они захватили корабль. Как такое может быть? Мы же видели их флот. Они не могли захватить наш фрегат.

- Они захватывали корабли столетиями, - возразил я.

- Гражданские суда. Я не увидел здесь никаких обломков звездолётов Имперского Флота, а вы?

Такие действительно пока не встречались. Марсек не стал ждать моего ответа.

- Как же они это сделали? Они ведь не могли. Но у них получилось. Как...

Он остановился, как только мы подошли к широкому пруду из остывающего металла. Жар от него обжигал обнажённые участки кожи. Человеческие головы и конечности виднелись над поверхностью, вырисовывая серебристо-серые статуи, застывшие в агонии. Только в этом месте было по меньшей мере пятнадцать мертвецов. Лицо Марсека скривилось. Предо мной находился человек, чьё чувство вины было таким сильным, что оно причиняло ему чуть ли не физическую боль. Он посмотрел на меня, будто желая что-то сказать, но ужас отнял у него дар речи. У меня не было прощения для него, а капитан его не искал. Именно его решение предрешило судьбу любимых им солдат, и он знал это. Я кивнул, показывая, что понял, и мы двинулись дальше.

Вряд ли я осознавал, куда мы идём. Только знал, что нужно попытаться перегруппироваться поближе к тому месту, где мы были рассеяны. Что делать дальше, я не представлял. И где искать врага, не имел ни

малейшего понятия.

Верхняя половина хребта исчезла, а на её месте появились две гигантских воронки. Наше прошлое наступление началось с северной части склона, а сейчас мы остановились на краю западного кратера – глубокого, широкого и неестественного. Что-то массивное торчало из чаши. Нечто нетронутое взрывами, которые просто сдули многовековые отложения. Это была вершина пирамиды из чёрного камня с зеленоватым отливом. Облик сооружения представлялся мне сложным, чуждым и совершенно незнакомым. Но прикосновения Хаоса не ощущалось, это я мог сказать точно. Пирамида выглядела слишком правильной, слишком безжизненной и бездушно упорядоченной. В сходе прогениум часть времени будущие комиссары обязательно уделяют изучению врагов Империи, их природы и облика. Но увиденное здесь стало для меня в диковинку. Строение походило на гробницу, причём лишь на её верхушку, поскольку плиты уходили глубже под землю. И если так, то эта гробница была размерами с город.

Чудом выживший Верстен каждые несколько секунд проверял вокс, пока мы собирали все остатки роты, какие могли найти. Набралось немногим больше взвода, в основном рядовые. Также мы потеряли почти всё тяжёлое вооружение, за исключением нескольких драгоценных гранатомётов и огнемётов.

Быть может потому, что мы оказались на возвышенности, а может потому, что воздух начинал очищаться, но Верстен наконец сумел связаться с другим воксирующим. Щепотка хороших новостей встряхнула Марсека от его летаргии. Были и другие выжившие, которых возглавлял Ганосчек, и они достигли края второго кратера.

- Что вы там видите? – спросил Марсек сержанта.

- Тут... капитан, я не знаю, что это такое.

- Всё нормально. У нас тоже самое.

- Какие будут приказы?

- Двигайтесь нам навстречу. Мы будем удерживать позицию пока...

Полоска лазера пронеслась на волосок от головы Марсека. Мы залегли. Один выстрел немедленно перерос во множество. Все они шли с другой стороны кратера, слева от нас. Одновременно с этим Ганосчек закричал в вокс, что его отряд тоже атакован.

- Вниз по склону! – рявкнул капитан в трубку вокса. – Отступаем!

Но как только мы развернулись, чтобы приступить к спуску, этот путь тоже оказался закрыт для нас. С диким рёвом что-то упало из облаков и приземлилось у основания склона, заперев нас в ловушке. Тогда мы и разглядели, что это. Прибыл «Громовой ястреб» Космического Десанта.

- Мы спасены! – выдохнул пехотинец рядом со мной. Его звали Рем, и я отметил про себя, что нужно основательно его пропесочить, если мы переживём этот день.

- *Совсем нет*, – прошипел я. – Погляди на символику.

Воздух до сих пор полнился пылью, но даже за несколько сотен метров эмблема на самолёте угадывалась безошибочно: две косы цвета магмы, перекрещённые на фоне ночи, а между ними кучка горящих черепов. Я не ожидал, что солдат определит, кому принадлежит этот знак, но он хотя бы должен был догадаться, что это вовсе не Ангелы Смерти Императора.

Ксеносы, построившие пирамиду, что выпирала из кратера, оставались для меня загадкой, но о космических десантниках Хаоса, сошедших с трапа «Громового ястреба», я знал прекрасно, поскольку сведения о них составляли обязательную часть моего багажа тёмных тайн. Необходимостью мучить себя владением столь опасной информации меня и моих сокурсников однажды потряс в своём обращении лорд-комиссар Симеон Расп.

- Вы - хранители Гвардии. - сказал он нам. - Бдительность требует знаний. Некоторые знания требуют веры, чтобы выстоять. Твёрдо придерживайтесь этих истин.

Я так и сделал.

- Это Грабители Харканора.

Вверх по склону начал подниматься отряд из пяти массивных фигур в иссиня-чёрной броне, пронизанной огненными жилками. Когда неприятели подобрались ближе, мне показалось, что линии эти вовсе не нарисованы, а на самом деле проходят сквозь доспехи и шевелятся.

- Мы не сможем сражаться с ними, - сказал я. - Не таким числом и не под изматывающим огнём.

- Тогда нам нельзя оставаться здесь, - ответил Марсек.

Я ждал, что он отдаст приказ. Но он этого не сделал. Если бы мы остались ещё немного, нам бы пришёл неминуемый конец. Я повернул голову, чтобы посмотреть в кратер. У нас остался всего один путь к отступлению.

- Некоторые из проходов открыты, - заметил я, указывая на пирамиду.

Капитан удивлённо охнул. Он колебался. Я дал ему ещё секунду, думая, что и это может стать ошибкой. И тут он крикнул: «Идём вниз!».

Огонь еретиков усилился, когда мы начали спускаться. Мы пытались отстреливаться, но они, как и до этого, давали по нам залпы из надёжного укрытия, и единственное, что мы видели, это дульные вспышки. Отряд потерял ещё несколько солдат по пути вниз. Не все умерли сразу, но мы не могли задерживаться.

Один из склепов у основания пирамиды был открыт, и мы направились к нему. Когда над нами нависла древняя ночь, воплощённая в камне, мои инстинкты возопили, чтобы я остановился, придумал другой план, нашёл иной путь, но не входил внутрь. Я не послушал. Не было никакого выбора. Я заставил себя бежать ещё быстрее, пока не переступил порог. Если бы я показал неуверенность, мой пример стал бы губителен. Так что я бросился вглубь склепа первым, постоянно подавая голос, чтобы остальные знали, что я жив. Марсек мчался прямо за мной, и, когда я вбежал внутрь, он последовал, выкрикивая что-то неразборчивое, но похожее на приказ роте следовать за ним.

Как только все вошли внутрь, мы остановились, чтобы дать глазам привыкнуть к темноте. Царящий внутри мрак отчасти рассеивали зелёные узоры, сияющие на гладком камне сродни едва горящим люминесцентным полоскам. Мы оказались в коридоре, который уходил вдаль под идеально прямой линией, и увидели достаточно, чтобы двигаться дальше, если потребуется. Марсек расставил у входа часовых, в то время как Верстен и я связались с отрядом Ганосчека. Я должен был предупредить его о десантниках-предателях.

Ганосчек и его люди укрылись в другой пирамиде.

- Мы видели их. Какие будут приказы? - спросил он.

Хороший вопрос. Я подозревал, что Ганосчек уже знал ответ.

- Ожидайте, - сказал я ему и приказал Верстену привести Марсека. Когда капитан прибыл, я обратился к нему.

- Сержант хочет знать, какие действия он должен предпринять. - С этими словами я передал трубку командиру.

Марсек на какое-то время тупо уставился на неё, но в итоге взял её. Тут же раздался крик со стороны входа:

- Приближается враг!

Марсек получил новый толчок, что был ему так необходим, и когда заговорил с Ганосчеком, голос его снова стал чётким.

- Рядом есть враги?

- Да, капитан. Они спускаются по склону.

- Уходите вглубь пирамиды, - приказал Марсек. - Используйте пространство как можно лучше. Мы поступим также. Когда выйдем наружу, мы свяжемся с вами.

Наступила пауза. Первым нарушил молчание Ганосчек:

- Капитан, тут горит освещение. Эти сооружения могут быть не такими уж мёртвыми.

- Они погребены тут тысячи лет. Что бы в них ни было, оно безусловно мертво. У нас больше ни на что нет времени. Исполняйте приказ! Вперёд!

- Принял!

Марсек отдал трубку Верстену. Он выглядел так, словно хотел чего-то от меня. Я кивнул, что, по всей видимости, его удовлетворило, и он повёл нас вперёд по коридору. Разведчиков посылать он не стал, ведь у нас всё равно не было никаких других вариантов. Сейчас мы могли надеяться только на скорость и удачу. И всё же, я чувствовал, что он помчался бы во тьму, даже если бы у нас было время изучить потенциально враждебную территорию. Я задался вопросом - вынес ли он хоть какой-то урок из постигшей нас катастрофы?

Через сто метров коридор разделился влево и вправо, а прямо перед нами оказался крутой спуск. Мы пошли вниз, и через некоторое время наклонная дорожка развернулась на сто восемьдесят градусов и вывела нас в другой широкий коридор, по всей длине которого было много ответвлений.

Мы слышали голоса и гулкий топот множества ног, доносящийся сверху. Еретики вошли в пирамиду.

- Я хочу найти место для засады, - на бегу выпалил Марсек.

То ли наши глаза привыкли к призрачному зелёному полусвету, то ли он становился сильнее, но я заметил, что в помещении множество боковых ходов, и указал на это капитану.

Тот покачал головой и отверг предложение.

- Главный тоннель слишком широк. Как оправятся от неожиданности, они смогут использовать против нас численное превосходство.

Он был прав, но я не стал упоминать, что нам стоит беспокоиться не только о численности врагов. Мне хватило услышать и того, как он снова заговорил, как подобает воину.

Быстро добравшись до конца коридора, мы миновали ещё один спуск на следующий этаж. Мы стремились как можно больше разорвать дистанцию между нами и преследователями, чтобы выиграть хоть немного времени. Мне же, однако, совершенно не хотелось значительно углубляться в постройку ксеносов. Опасность позади нас и без того была достаточно велика, а если бы мы столкнулись впереди с чем похуже, то могли потерять вообще всю роту.

На третьем уровне развилок стало ещё больше. Мы очутились в настоящем лабиринте. Хотя нам нужно было свернуть в боковой проход, существовала опасность заблудиться, как только мы уйдём с основного пути. Эта мысль, должно быть, посетила и Марсека. Он заметно колебался, взвешивая варианты. У нас оставалось мало времени, а я по-прежнему слышал, как за нами гонятся еретики. Наша фора увеличилась, самое большее - на несколько секунд. Хуже того, я уже мог различить среди общего топота преследователей тяжёлую поступь чего-то очень большого. Космодесантники-предатели тоже проникли в пирамиду.

- С вашего позволения, капитан, - вмешалась рядовая Ломмель, и едва Марсек кивнул, она тут же побежала вперёд, ныряя в один коридор, затем в другой. В третьем, похоже, она нашла, что хотела.

- Здесь, - сообщила она. - Мы должны устроить засаду здесь.

- Почему здесь? - спросил Марсек, но тем не менее сразу отправил остатки роты вперёд.

- Здесь очень тесно, и есть хороший путь отхода. На Армагеддоне я состояла в банде в подулье Тартара, сэр.

Следы непростого прошлого виднелись на ней отчётливо. Лицо было исполосовано шрамами, словно треснутое стекло. Впервые увидев её, я решил, что это следы боевых ранений. Как теперь выяснилось, я сильно ошибался. Чтобы выжить в Тартаре, ей пришлось специально изрезать себе лицо, как предупреждение врагам о том, насколько далеко она готова зайти.

- Тут почти как в подулье, - сказала она. - Только почище.

- Хорошо, Ломмель. Поделись-ка с нами своим опытом.

Девушка завела нас на несколько витков глубже. В пустых коридорах царил могильная тишина. Они казались «мёртвыми», если не считать зловещего света. Зачем он здесь, для кого? Пирамида напоминала гробницу - пусть пока мы и не увидели ничего, что подтверждало бы такую догадку - но какая нужда освещать пристанище усопших?

Пока Ломмель вела нас по лабиринту, я в уме составлял карту, отмечая каждый поворот. Через какое-то время наш отряд оказался в точке, где от узкого тоннеля, по которому мы шли, на расстоянии десяти метров друг от друга отходили два ещё более узких коридора. Они, в свою очередь, с разных сторон тянулись в помещения, по которым можно было вернуться в главный зал. Мы нашли идеальное место для создания огневого мешка и последующего беспрепятственного отступления.

- Тартар хорошо вас подготовил, - прошептал я ей, пока мы ждали врага.

- В своё время я так не считала.

- Мы редко считаем иначе.

Чтобы показать врагам, в каком ответвлении нас искать, мы немного пошумели, а Марсек специально отправил нескольких солдат создать иллюзию, что мы всё ещё убегаем по «широкому» проходу. Изменники проглотили наживку, и, бурно радуясь предстоящей забаве, бросились в нашу ловушку.

Впервые я смог их разглядеть. При тусклом зелёном свечении нельзя было разглядеть много деталей, но передо мной предстали деградировавшие существа в лохмотьях, без сомнения, снятых с разных жертв за долгие годы. Их порча пестрела сотнями оттенков, но всё же имелось кое-что общее. Лица всех этих подонков были татуированы или шрамированы. Несмотря на то, что узоры сильно различались, и их трудно было разобрать, все они представляли собой клеймо Хаоса и до глубины души вызвали отвращение.

Культисты рвались вперёд без какой-либо дисциплины или осторожности, что казалось безумием вдвойне, ведь опасность могла исходить не только от нас, но и от самой пирамиды, чуждой им не менее, чем нам. Я презрительно разглядывал еретиков, пока они не попали в сектор обстрела, и перед тем, как мы открыли огонь, я увидел одного из Грабителей Харканора, показавшегося из темноты. Источаемый им свет ужасал. Узоры на его доспехах, озадачившие меня ранее, стало возможно разглядеть в подробностях. Колдовской жар бороздил в керамите трещины, словно броня была сделана из яичной скорлупы. Зловещее пламя вырывалось изнутри, а затем щели сходились, и появлялись новые. Грабитель словно был слеплен из остывающей лавы. Невозможно было поверить, что такой монстр когда-то был человеком.

Существовал лишь небольшой шанс, что наша засада повергнет его. Однако нам ничего не оставалось, кроме как попытаться. Выдавать себя, расправившись с несколькими его последователями, было бессмысленно, если бы он всё равно до нас добрался, поэтому я молился, чтобы Марсек, притаившийся в тени напротив меня, осознал эту истину и выждал.

Он не подвёл. Авангард культистов свободно прошёл через зону поражения. Грабитель приближался. Марсек подождал несколько секунд, позволив ещё десятку предателей пробежать мимо, и когда космодесантник-предатель оказался в центре засады, капитан подал сигнал, выстрелив из лазпистолета.

Мы разом открыли стрельбу. Фланговый огонь заполнил пространство коридора. Поток лазерных линий был настолько ярким, что в гробнице стало светло как днём. Пойманные в паутину энергетических лучей еретики мгновенно свалились на пол. Огонь был настолько сосредоточенный, что у них не было ни шанса ответить. Авангард вернулся назад, пытаясь пойти в контратаку, но пока он оставался вне наших углов обстрела, сами они не видели наших позиций в боковых проходах. Ситуация, с которой мы столкнулись снаружи, обернулась против них. Теперь мы сидели в укрытии, разрывая врагов на части.

Грабитель стоял посреди шквала огня, проявляя беспокойства не больше, чем если бы это был дождь. Он поднял огнемёт и выпустил струю горящего прометия в ближайший проход. Крики заполнили коридоры. Фланг нашей засады был уничтожен.

Ломмель метко выстрелила по огнемёту Грабителя, когда тот направил оружие в соседний от нас коридор. Прогремел взрыв, и космодесантника Хаоса залило жидким пламенем. Он отшатнулся, пытаясь смахнуть с себя прометий, и из решётки шлема раздался нечеловеческий рык. Казалось, это больше злит его, нежели вредит, однако с головой, объятай пламенем, он ничего не видел.

Из прохода на другой стороне коридора рядовой Ром выстрелил из гранатомёта, и осколочный снаряд поразил предателя в грудь. Взрыв погасил пламя, но потряс монстра с головы до пят. Он взревел от ярости и боли, сорвал с бедра болт-пистолет и выпустил по широкой дуге очередь пуль, не заботясь о точности, так как любая из попавших по нашим позициям убила бы солдат в переднем ряду.

В месте разрыва гранаты броня Грабителя представляла собой расплавленную массу. Вместо трещин была одна большая брешь, пылающая неестественным огнём. Керамит медленно сходился. Я выскочил из прохода и перекатился вперёд, держась как можно ниже под летящими болт-снарядами. Я вышел из переката прямо у ног Грабителя и, нацелив болт-пистолет на вздымающуюся горящую грудь десантника, выстрелил в упор. Энергии Материума и варпа столкнулись. Взрыв сбил меня с ног. Грабитель по-прежнему стоял, но в его туловище зияла огромная дыра. Грудная клетка была вырвана и сожжена. Там, где должны были быть лёгкие и сердца, было пусто. Огонь погас. Руки монстра повисли плетьюми, и он опрокинулся на спину.

Культисты дрогнули, и мы перевели огонь на них. Они думали зажать нас между собой и их сверхчеловеческим господином, но сами оказались прижатыми в узком коридоре. И мы вырезали их. Пригнувшись, я вернулся в укрытие и присоединился к стрельбе. Я ликовал. Мы все ликовали. Засада сработала лучше, чем мы могли мечтать.

Когда последний еретик подох, я оглянулся, и у меня упало сердце. Противник всё-таки попался предусмотрительный. Другая группа, ещё больше прежней, приближалась с другой стороны, и с ней тоже шагал Грабитель.

Нас насчитывалось меньше, мы потеряли элемент неожиданности, и наше укрытие было бесполезно против его силового доспеха и огнемёта. Если бы мы приняли бой, то, несомненно, погибли.

- *Уходим!* - закричал Марсек.

Мы помчались в боковые проходы, следуя заранее проложенным Ломмель маршрутом. Нашим единственным преимуществом оставалась скорость. Мы знали, куда идём, и потому понеслись на всех порах, снова разрывая дистанцию между нами и врагом. Когда я на бегу огибал углы, в глазах рябило от сияющих узоров. Даже в таком темпе было легко следовать по их линиям на чёрной стене. Я свернул в более широкий коридор и по нему попал обратно в главный зал. Наша часть роты воссоединилась. Марсек посмотрел назад, откуда раздавались звуки погони, и мы отправились вглубь пирамиды.

Мы спустились ещё на три уровня. Еретики были близко, и времени устраивать новую засаду уже не было. Очередной представший нам этаж показался куда зловещее остальных. Как и предыдущие, он расходился лабиринтом коридоров, но центр представлял собой массивный блок. Угловатые узоры на стенах казались сложнее ранее виденных нами и испускали яркий мертвенный свет. Главный коридор расширялся перед монолитом и превращался в ряд параллельных туннелей, уходящих под него. Добравшись до них, мы остановились. Склон оказался крутым, почти отвесным. В глубине плыл зелёный туман.

И там что-то шевелилось. Мы услышали, как смещается нечто тяжёлое, а после до нас донеслось эхо чьих-то шагов. Свет из туннеля замерцал, как будто кто-то двигался между нами и его источником. Были и другие шумы, пугающе похожие на голоса. Слов было не различить, но эти голоса точно не могли принадлежать живым. И всё-таки там внизу кто-то или что-то ходило и разговаривало. Что бы ни воздвигло эту пирамиду, оно её не покинуло.

Мы простояли на краю спуска не дольше пары секунд, но этого нам хватило, чтобы увидеть и услышать

всё необходимое. Марсек бросил на меня взгляд. Да, мы снова оказались в ловушке, но у нас оставался ещё один вариант. Этого могло быть достаточно.

- Прячемся, - сказал я.

Марсек кивнул. Он поднял руку и покрутил указательным пальцем вверх, тем самым отдав приказ рассеяться. Рядом во все стороны расходилось множество коридоров, и мы заняли их, укрывшись в тенях и боясь шелохнуться в тихом ожидании наших преследователей.

Кости были брошены. На кону стояла судьба шестой роты.

Стальной Легион - подразделение гордое. И на то у него есть все основания. Они имелись и тогда, хотя момент наивысшей славы полка (и моей в том числе) и самой болезненной жертвы (на которую придётся пойти и мне тоже) наступит лишь столетие спустя. Но те злополучные минуты ни один солдат шестой роты не станет называть славными - притаившись в темноте, все мы надеялись, что враг пройдёт мимо. Разумеется, поступать так претило моему достоинству, но Стальной Легион не добился бы своих побед, бросаясь в бой бездумно и слепо. У нас был шанс на победу, и, чтобы им воспользоваться, требовалось на время забыть о гордости. Для этого тоже нужно обладать мужеством.

Мы ждали. Высунувшись из туннеля, насколько мне позволяла смелость, я наблюдал, как прибывают культисты. Даже с нанесённым нами уроном их по-прежнему было в три раза больше, да ещё и Грабитель возвышался среди них. Когда еретики достигли спуска в туннели, Грабитель задержался на мгновение, чтобы оглядеться, а затем повёл их в центральный тоннель. Я слушал их боевые кличи, пока они спускались. Через минуту улюлюканье сменилось воплями.

Сначала это были просто испуганные голоса. Но затем раздался треск, как от электрического разряда, и до меня донеслись крики агонии. Грабитель взревел. Началась пальба. Звуки разряжаемой энергии стали громче, зелёное мерцание переросло в хлёткие, стробирующие импульсы света. Вскоре крики культистов умолкли, будто звук просто выключили. В рычании Грабителя улавливались шок и боль. Потом умолк и он.

Когда Марсек выступил из тени, я первый присоединился к нему. Стоя на краю, мы смотрели в туннели. Непонятное шевеление продолжалось, а странные чужеродные звуки не утихали. Тем не менее загадочные пришельцы пока не поднимались.

- Что же там, внизу? - прошептал Марсек.

- Что-то, с чем нам не справиться, капитан. Но позже мы можем доложить об этом.

- Согласен.

Двигаясь тихо и используя только жесты, Марсек просигналил наш отход. Мы хранили молчание в течение первых двух уровней. Когда стало ясно, что обитатели пирамиды не преследовали нас, и что последние враги спустились к своей смерти, Верстен вернулся к работе с воксом, пытаясь собрать рассеянные части шестой роты.

Марсек приказал ему идти с нами впереди.

- Есть что-нибудь? - спросил он.

- От сержанта Ганосчека пока нет ответа, сэр. Зато я получил передачу от сержанта Бренкен с «Кастеляна Беласко». Она и несколько бойцов освободились и сражаются. По её словам выходит, что

врагов немного. Десантники-предатели, захватившие фрегат, ушли и оставили лишь маленькую группу культивистов. Они, конечно, вооружены, но...

- ...выбить их не займёт много времени, - закончил я.

- Да, так она считает, комиссар.

Я бросил на Марсека многозначительный взгляд. Наши «Валькирии», оставленные на некотором расстоянии от хребта, должны были уцелеть. Хотя нас осталось не больше двух отделений, мы сможем отбить свой корабль.

- Хорошо, - подытожил Марсек. - Мы свяжемся с сержантом Ганосчеком. Когда рота соберётся вместе, очистим палубы фрегата от отбросов.

Я нахмурился. Капитан полагал, что группа Ганосчека по-прежнему жива. Два Грабителя преследовали нас. Не считая маловероятной возможности, что кто-то остался сторожить вход в пирамиду, это означало, что оставшиеся трое преследовали Ганосчека и его бойцов. Это была серьёзная угроза. Марсек основывал стратегию на предположении, никаких доказательств которому не было. С горечью я решил ничего не говорить, пока мы не выберемся на поверхность.

Когда мы выкарабкались из кратера, Верстену удалось всего на несколько секунд связаться с Ганосчеком. На его группу крепко надели и загоняли вглубь пирамиды. Не было и речи о том, чтобы устроить засаду. Еретики и Грабители наступали им на пятки, и оторваться от них не получалось.

- Отправь сообщение, что подмога уже идёт, - распорядился Марсек.

- Отставить, боец, - приказал я Верстену и повернулся к Марсеку. - Капитан, на пару слов.

Я ожидал, что он будет в ярости от моего вмешательства. Вместо этого, казалось, он готов к разговору, как будто ему было важно донести до меня свою точку зрения. Мы оставили солдат у края кратера и немного прошли вниз по склону, чтобы встать за округлой грудой застывшего шлака.

- Мы не сможем их спасти, - сказал я правду.

- Мы должны попытаться.

- Нет. Долг обязывает нас не делать этого. Вы и без меня прекрасно знаете, что такая попытка будет обречена. И тогда мы оставим фрегат Имперского Флота в руках врага. Это непростительный провал.

- Я уже подвёл своих солдат сегодня! - вспыхнул Марсек. - И больше не собираюсь повторять подобную ошибку.

- Вы снова их подведёте, если продолжите следовать этим курсом. Они все погибнут.

- Я должен попытаться.

Я пристально посмотрел на него, но Марсек ни разу не моргнул. Он полностью сознавал, что говорит, и представлял, какие наступят последствия. Именно его это привело к нынешнему стечению обстоятельств. Он уже и сам это понял и потому искал искупления. Но мы не могли позволить себе такую роскошь, нам была нужна только победа. Передо мной стоял хороший человек, но Империи требовал большего. Он должен был стать хорошим офицером. Вместо этого он погубил себя. В критический момент он доказал, что не способен принимать по-настоящему тяжёлые решения. Он

сбросил ответственность на меня.

- Я не могу позволить вам поставить задание под угрозу.

- Нет, - тихо ответил он. - Нет, не можете. Но вы не сможете и заставить меня отказаться от моих солдат.

Я вытащил пистолет из кобуры.

Марсек одарил меня грустной улыбкой и опустился на колени.

- Делайте, что необходимо, комиссар Яррик.

- Зачем вы вынуждаете меня?

- Или остановите меня, или позвольте сделать то, что я должен.

Когда я приставил дуло пистолета к его лбу, капитан закрыл глаза. Он выглядел умиротворённым. Моё же лицо исказила гримаса.

Я знал, что поступаю правильно. Мне приходилось прибегать к столь крайней мере по отношению офицерам куда чаще, чем хотелось бы, и всякий раз это была трагедия, неизбежная, но совершенно ненужная. Но ни до, ни после я никогда не сталкивался с солдатом, который бы принял моё решение с таким смирением. Надеюсь, больше и не придётся.

Вынести приговор тяжело, исполнить - ещё тяжелее. Про себя я проклял Марсека за то, что всю свою жизнь буду вспоминать этот момент. Я до сих пор его проклинаяю. Тогда он поступил с нами нечестно. Он искал мученическую кончину в качестве искупления за свои неудачи. Капитан ушёл от принятия трудного выбора и заставил меня решать за него. Теперь это был мой трудный выбор и ещё более трудное его принятие.

Быть по сему.

Я нажал на спусковой крючок.

Когда я вернулся к роте, меня встретила гробовая тишина.

- Возвращаемся к месту высадки, - сказал я. - Мы отобьём «Кастеляна Беласко».

Я никогда не обращал внимания на взгляды, наполненные отвращением или враждебностью, ведь не могли они прибавить тяжести к бремени, что я несу сейчас, или к ноше, которую я взвалю на плечи в будущем.

- Свяжись с Ганосчеком, - сказал я Верстену. - Не прекращай попыток, пока не получится.

Мы достигли основания склона, когда Верстен передал мне трубку. Было трудно разобрать, что говорил Ганосчек. Его слова прерывались шипением, похожим на помехи, но я знал, что это звуки выстрелов. Он просил о помощи.

- Сержант, - прокричал я. - Это Яррик. Мы не можем вам помочь. Корабль захвачен. Он - ключ к победе. Вы понимаете?

Взрывы и крики из трубки усилились.

- Да.

- Есть ли возможность обойти противника?

- Нет. Я уже потерял половину людей. Враг гонит нас вниз по туннелю. Комиссар, там что-то движется.

На мгновение я закрыл глаза, ненавидя себя за то, что собирался сказать.

- Сержант, спускайтесь глубже. Идите прямо на это движение.

Ещё одна пауза. Думаю, её вызвало не только сражение.

- Комиссар?

- То, что там внизу, убьёт противника. Шестая рота выйдет победителем. Вы понимаете?

На этот раз паузы не было.

- Понимаю.

- Империи благодарит вас, сержант Ганосчек.

- Это всего лишь наш долг, сэр.

Он стал бы прекрасным офицером.

- Я останусь на связи, - сказал я ему, - до конца.

- Спасибо.

После переговоров не было. Он оставил канал открытым, и я слышал, как они погибали. Я сдержал обещание, и до сих пор ношу в себе то, чему стал свидетелем.

Я слушал, когда мы добрались до места высадки, и погрузились в «Валькирии». Ганосчек и остатки Шестой под его командованием сражались достойно, заманивая противника к неожиданной для него угрозе. Бой ещё продолжался, когда мы достигли фрегата, и гнилая неуправляемая чернь, что оккупировала мостик, столкнулась с гневом Стального Легиона.

Я почти не обратил внимания на победу, одержанную на корабле. Всё моё внимание было приковано к страшному триумфу в пирамиде на Айносе. Я слышал, как смертельно испуганный, но по-прежнему сражающийся Ганосчек кричал: «Пресвятой Трон, что это такое?»

Ответа он не дождался. Никто из нас не знал ответа в течение многих лет. Годы блаженного неведения...

Но в тот день я всё ещё терзал себя тем же вопросом. Я заставлял себя познать цену собственного решения и вслушивался в передачу, даже когда звуки битвы утихли. Вслушивался почти целый час после этого. Вслушивался, когда «Кастелян Беласко» готовился покинуть систему.

Я вслушивался в глухие, шипящие отголоски трудного выбора.

Эта страница в последний раз была отредактирована 24 октября 2019 в 21:52.